

УДК [811.161.1: 811.511.13]: 81'28

СОЧЕТАНИЯ ТИПА *ЛИ ЧЁ ЛИ* В РУССКОЙ И *ЛИ МЫЙ ЛИ* В КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

Мария Владимировна Боброва

к. филол. н., старший научный сотрудник

кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bomaripgu@yandex.ru

Рассматриваются проблемы диалектной грамматики, а именно вопрос о статусе сочетаний типа *ли чё ли* в русской и *ли мой ли* в коми-пермяцкой диалектной речи. Сделан обзор работ пермских исследователей и предложен альтернативный взгляд на данные сочетания. На материале говоров Пермского края делается вывод о том, что такие конструкции в русских диалектах отвечают фразеологизированной модели (т. е. устойчивы синтаксически), заимствованной из коми-пермяцкой речи, устойчивой структурно и варьируемой по грамматическому воплощению; коми-пермяцкие образования являются фразеологизмами (т. е. устойчивы лексически) и включают лексические заимствования из русского языка.

Ключевые слова: диалектная грамматика; Пермский край; интерференция языков; пермские говоры; коми-пермяцкие говоры.

Одна из наиболее ярких черт живой народной речи – обилие частиц; и употребление их – явление, как известно, очень древнее (см. об этом, напр.: [Шапиро 1953: 237]). В соответствии с традиционной теорией, разработанной для русского литературного языка В. В. Виноградовым, частицы – это структурно-семантический тип слов, лишенных номинативной функции и предметной отнесенности; это служебные, связочные слова, которые противостоят знаменательным частям речи [Виноградов 1972: 31]. Частицы способствуют большей эффективности и активности высказывания, придают им обильные и яркие модальные оттенки, без которых невозможна диалогичность, непосредственная адресованность, непринужденность общения.

В. В. Виноградовым разработана классификация частиц русского языка, которая впоследствии уточнялась другими лингвистами (см.: [там же]; ср. современные учебники русского языка для вузов²). Однако анализ живой народной речи указывает на ее узость, неактуальность для диалектов. В частности, это обусловлено широко наблюдаемым явлением диффузности служебных слов в местных говорах. Отдельные служебные единицы демонстрируют синкретичность функций, нередко в одном контексте в пределах одной лексемы совмещаются функции

союза и частицы, союза и междометия, частицы и вводного слова. Кроме того, несколько варьируется по говорам состав частиц, отмечается их обилие в сравнении с литературной речью. Изучая функциональные особенности диалектных частиц, лингвисты подчеркивают их роль в ритмообразовании народной речи [Евтюхин 1979: 204–205; Пауфوشيца 1983: 76; Бакланова 2007а: 382–383]. Частицы в диалектах играют особую роль: они способствуют синтаксической, интонационной, смысловой организации высказываний.

Наблюдения обращают исследователей к конкретным незнаменательным словам, что могло бы позволить впоследствии объединить результаты изысканий и создать собственно диалектную теорию служебных слов. Актуальность ее несомненна: диалектная грамматика еще ждет своих разработчиков. В русло данного направления вписаны и настоящие изыскания.

В коми-пермяцкой речи частицы не менее употребительны и еще более разнообразны, чем в русском литературном языке и местных диалектах. Выделяют следующие их разряды: усилительные, ограничительные, указательные, вопросительные (в том числе *я* ‘разве’, *ли мойли* ‘разве, что ли’), отрицательные, утвердительные, соотносящие, вводные, модальные, сравнитель-

ные [КПРС 1985: 617]; в ином варианте: усиленные, ограничительные, вводные, указательные, вопросительные (в том числе *я* 'ли', *ли* 'ли'), отрицательные, соотносящие, отождествляющие, модальные, формообразующие, словообразующие [Коми-пермяцкий язык 1962: 314–317]. Частицы являются препозитивными либо постпозитивными (в том числе *я*), обычно восходят к какой-либо иной части речи и постоянно пополняются словами других лексико-грамматических групп, сохраняют с производящими словами генетическую связь и функционально сближаются с соответствующими полновесными словами (очевидно, это межъязыковое явление, ср. в русском языке *почти, исключительно, еще, уже* и др.). Данная группа разнородна с точки зрения происхождения: большинство частиц имеет не коми-пермяцкое, а русское происхождение; в числе заимствований интересующая нас частица *ли*.

Таким образом, данная лексико-грамматическая группа является неотъемлемым компонентом и русской, и коми-пермяцкой диалектной речи. Частицы разнообразны по происхождению, по функциям, по специфике употребления.

Обратимся к изучению сочетаний типа *ли чё ли* в русских говорах Пермского края и *ли мый ли* в коми-пермяцкой диалектной речи. В качестве материалов используем данные диалектологических экспедиций в сельские населенные пункты Пермского края 1998–2009 гг.; результаты наблюдений над речью коми-пермяков – студентов коми-пермяцкого отделения филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, а также их родственников; помимо этого – цитаты, опубликованные в пермских диалектных словарях, в научных исследованиях данного явления.³ Всего проанализировано около 50 текстов, содержащих указанные сочетания, около 140 таких сочетаний в контекстах.

Очевидно из-за недоработки теории частиц до сих пор труды по их изучению в диалектных текстах были весьма немногочисленны [см.: Евтухин 1979; Сафонова 1979; Пауфошима 1983; Голубева 1991; Кузьмина 1991; Мишланов 1993; Трестерова 1993; Уздинская 1996]. Однако в последнее время значительно возрос интерес к частичным образованиям в пермских диалектах [см.: Бакланова 2002, 2004, 2007а, 2007б, 2009; Русинова, Бакланова 2007, 2012]; работы имеют прикладной характер, так как связаны с активным развитием диалектной лексикографии Пермского края. Прежде чем мы обратимся непосредственно к предмету нашего изучения, представим основные выводы, сделанные наши-

ми предшественниками относительно указанных и аналогичных им образований.

В пермской речи очень частотны сочетания типа *да где (да), да чё (да)* и т. п., они весьма разнообразны (центральный, чаще местоименный, компонент заменяем), функциональны. Конструкции избыточны лишь с точки зрения носителя литературного языка, поскольку способствуют информативности высказывания при его лаконичности. Демонстрируют синкретизм функций входящих в них компонентов, откуда проистекают расхождения в их лексикографическом описании (как фразеологизмов или сочетаний слов) даже в пределах одного словаря. Переходность таких явлений обуславливает сложность их интерпретации [Бакланова 2004].

Употребление комплексов частиц определено коммуникативной задачей говорящего. Так, например, значение обусловленности выражается сочетаниями с компонентом *дак*, значение поворота темы – *а*, присоединения – *да (=и), и*. Указательное значение ослаблено (в препозиции) или утрачено совсем (в постпозиции), поэтому (1) комплексы не являются самостоятельными составными частицами, (2) их основная функция ритмообразующая, дополнительная – функция закрепы при других частицах [Бакланова 2007а].

Союзы *да, и* в русских и коми-пермяцких говорах выполняют аналогичные функции (связывают однородные члены в простом предложении и части сложного, а именно сложносочиненного либо сложноподчиненного с обстоятельственными отношениями). Выступая в специфичной для говоров постпозиции, союзы приближаются по функции к частицам. Данное явление – это либо результат воздействия на русские говоры Пермского края языков финно-угорской семьи, либо это общие, ностратические, первообразные союзные средства. Так или иначе, это лексико-синтаксический процесс: «...присловный компонент (частица) превратился в союз с нетрадиционным для русского языка, но вполне соответствующим норме для некоторых финно-угорских языков расположением» [Бакланова 2009].

Анализ сочетаний типа *да чё да (да чё), ли чё ли (ли чё)* показал следующее. Отсутствует системное описание данных языковых единиц, являющихся неотъемлемой чертой русского диалектного синтаксиса большого ареала (Севера, Урала, Сибири). Как следствие, нет единых подходов к их лексикографическому описанию, вплоть до полного их игнорирования. Первый компонент сочетаний – по происхождению сочинительный разделительный союз, последний в трехкомпонентных структурах – частица. Данные конструкции следует назвать устойчивыми;

эта устойчивость проявляется в стабильности структуры, в массовой воспроизводимости и наличии общего значения, которое определяется одинаковой синтаксической позицией – концом предикативной единицы. В диалектных словарях подавать эти выражения лучше на союз и в толковании учитывать обобщенное значение ‘и (или) тому подобное’. Происхождение таких конструкций спорно: 1) постпозиция *да* и сочетания типа *да чё да* – синтаксическая калька с коми-пермяцкого языка, причем в последнем такие сочетания превратились в устойчивые. Разнообразие сочетаний, аналогичных конструкции *да чё да*, с другими союзами и местоимениями (например, *ли мой ли*), по мнению И. И. Русиновой и И. И. Баклановой, – результат синтаксической аналогии; 2) *Да* в коми и русском языках – исконный, еще ностратического происхождения союз. Независимо от решения вопроса об «автохтонности» конструкций с конечной скрепой предполагается, что данное синтаксическое явление возникло в результате лексико-синтаксического превращения присловного энклитического компонента в постпозитивный союз (частицу) [Русинова, Бакланова 2007].

Поскольку И. И. Русиновой и И. И. Баклановой уже был сделан подробный обзор способов лексикографического описания сочетаний типа *ли чё (ли)*, мы лишь кратко, без цитаций изложим эту принципиальную часть исследования.

В диалектной лексикографии нет общих подходов к материалу. 1) Данные конструкции подаются на центральный компонент / на рамочные компоненты / на первый из рамочных. 2) Обороты трактуются как фразеологизмы / вопросительные частицы / неопределенные частицы / сложные модальные частицы / вводные сочетания / свободные сочетания с разделительными союзами, выступающие в роли любого члена предложения. 3) Такие обороты наделяются значением предположительности, неточности / сомнения / неуверенности / допущения / недоверия кому- или чему-либо / существования выбора. Составителями диалектных словарей исследуемым конструкциям приписывается разный грамматический статус, но семантика определяется сходным образом.⁴

Говоря об аналогичных сочетаниях в коми-пермяцком языке, И. И. Русинова и И. И. Бакланова отмечают отсутствие специальных изысканий в этом направлении, но ссылаются на мнение А. С. Лобановой (доцента кафедры методики преподавания коми языка и литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета), носителя коми-

пермяцкого языка, которая подтверждает наличие в нем оборота *ли (ле) мой ли (ле)*, переводимого на русский язык как ‘ли что ли’: *Иваныс ли мой ли вовліс* ‘Иван **ли кто ли** приходил’; *Пряниккез ли мой ли вайлін* ‘Пряники **ли что ли** приносила’. Это подтверждают и другие коми-пермяки – студенты коми-пермяцкого отделения филологического факультета университета.

Данное сочетание зафиксировано в словарной статье «Коми-пермяцко-русского словаря» на частицу *ли*: *ли мой ли* ‘что ли (ль)’ (*Ваыс ли мой ли тiян абу?* ‘Воды, **что ли**, у вас нет?») [КПРС 1985: 223].

Особенностью коми-пермяцких сочетаний является то, что их центральный компонент не склоняется и может относиться как к неодушевленному, так и к одушевленному предметам, т. е. сочетания употребляются как устойчивые. При этом коми-пермяцкие диалекты характеризуются большой вариативностью лексики (это свойственно преимущественно северным говорам). Например, указательная частица *то тай* ‘вот, здесь’ встречается в таких вариантах: *то тайка*, *то тайкана*, *то тайёська*; частица *батя* в значении ‘ни за что’ имеет следующие варианты: *батыя*, *батыятёсь* [Лобанова 2007: 147–150]. И сочетание *ли мой ли* в коми-пермяцкой диалектной речи (собственно коми-пермяцкое – *я мой я*), аналогичное сочетанию *ли что ли* в русских говорах Пермского края, также имеет лексические, фонетические, структурные варианты: *ли мылли* (*Тэ ю дынё ли мылли ветлін?* ‘Ты к реке **ли что ли** сходила?’), *мылли* (*Талун собраннё мылли лоас* ‘Сегодня собрание **что ли** будет’), *ли мы ли* (*Тэ босьт ли мы ли ни билеттё, а то сэсья оз лоё* ‘Ты возьми **что ли** уже билет, а то потом не будут’), *я мыли* (*Тэ, я мылли, тён клуб дынын сулалін?* ‘Ты, **что ли**, вчера возле клуба стояла?’), *мыя* (*Ме мыя мойкё шуа, мед сідз и лоё* ‘Я, **что ли**, что-то говорю, пускай так и будет’). В большинстве случаев происходит выпадение либо ассимиляция звука [j], который в данном языке считается слабым и часто попадает под влияние рядом стоящих звуков [Лобанова 2002: 22]. Показательно, что и в «Коми-пермяцком словаре» обнаруживаются разные формы подачи данного комплекса: в основном корпусе словаря – *ли мой ли*, в приложении (в «Кратком грамматическом очерке коми-пермяцкого языка», написанном А. С. Кривошековой-Гантман) – *ли мойли*.

Остановимся на особенностях функционирования изучаемых сочетаний в структуре предложения.

В русских говорах массовая воспроизводимость особенно характерна для ведущих выра-

жений с компонентом *чѐ* (что); вероятно, постольку, поскольку местоимение *что* «может относиться и к лицу и не лицу, и поэтому сферу употребления имеет более обширную» [Ардентов 1973: 12]. Сочетания выступают со значением неопределенности в разнообразных функциях: *Когда мелешь, на стену садится такой, это, пыль ле чѐ ле*; *Кто это меня кусат? Блоха ли чѐ?*; *Колды вот чѐ-ко буэт скука ле чѐ, ко-то горе, дак ворчу, сама собой выргаю [пою], а с народом-та не с кем уж; Не знаю, иди ли чѐ ли*; *Сколько я хлеб ли чѐ ли оставляю чѐ на столе, приду – у меня ничѐ на столе нет, чисто. Это кто у меня всё съедат?!; И не знала, за кого иду [замуж], и не знаю, за кобеля ли что ли*; *Вот там молочко ле чѐ линули, закисло; И там кто возьмѐт или балалайку ли чѐ, гармонь ле, полезут в этот, например, домой, в дом; Корноватки, оне плетѐные из корешков: корешки надерут из вереса ли чѐ ли и сплетут; А у нас один парень... оставили его чѐ-то, по болезни ле чѐ ле его оставили* (обстоятельство причины); *От жару ли чѐ ли голова болит* (обстоятельство причины); *И пять годов ле чѐ ле он строил баржу* (обстоятельство времени); *Через неделю ли что ли старика-то, мужа-то, убили* (обстоятельство времени); др.

В приведенных конструкциях местоимение согласуется с подлежащим, сказуемым, дополнением, определением, обстоятельством. Но *ли чѐ ли* и аналогичные структуры могут не только замещать определенную синтаксическую позицию, выполняя роль того или иного члена предложения, но также выступать в значении части высказывания (сочетания слов, словосочетания, части сложного предложения): *А он правил всех людей и животных. Вот, например, лошадь ногу сломат ле чѐ* [например, ребенок получит сотрясение мозга. – М.Б.], *привезут – он всё слаживал; Он чѐ тебе поддаѐт? Очки вставляет, чтоб дальше видела ли чѐ ли* [например, стала «красивее». – М.Б.]? *Ишь, как глаз подбил; И где-ко* [во время гадания на перекрестке] *собака залает ли чѐ ле* [например, послышится звук бубенцов или звук, который производится при обстругивании досок. – М.Б.] и т. п.

Примеры с комплексами *ли как (где, куда, какой, кто, кого, нет) ли* количественно значительно уступают сочетаниям с компонентом *что* (*чѐ*). Они могут выполнять в предложении функцию обстоятельства образа действия, места и времени, определения, подлежащего, дополнения, сказуемого – соответственно специфике центрального компонента: *Три дня ли как ли прошло* (обстоятельство времени); *Скажут: с полдня начался* [ветер]. *После обеда ли как* (об-

стоятельство времени); *Ну а нынче уже причѐску тут круг гребѐнки ле как ле вот делали* (обстоятельство образа действия); *Вот тоже, говорят, что по ветру садят чертей своих* [колдуны] *ле как* (обстоятельство образа действия); *Рожь сушишь, ну там на пече ли где ли* (обстоятельство места); *И всё сплавляем, и куда-ко за границу ли куда ле, всё сплавляли, всё сплавляли* (обстоятельство места); *Морды навязывали из виц. Под кус[т] ли куда ли поставят* (обстоятельство места); *Рубаху разную опеть накинута, да такую новую, сатинетовую ле каку ле, ситцеву ле опеть нову накинута; До этой ешо была война кака-то, Мировая ли какая ли*; *Мужики наденут рубаху белу ле какую, этой покромкой подвяжутся; Детишки ли кто ли спорят; Рано утром там бабушка ли кто, мама ли, папа ли это всё достают; Военный ли кто ли он был; Вынесу ему воды ли кого ли; Не знаю, привезут ли нет ли* [керосин]; др.

Таким образом, сочетания типа *ли чѐ ли* выступают в постпозиции к члену предложения, с которым они связаны отношениями однородности, причем выбор центрального компонента (наречного либо местоименного) зависит от синтаксической функции этого члена. В соответствии с выводами наших предшественников начальный компонент сочетания выступает здесь как разделительный союз, а третий (факультативный) – как частица, служащая закрепой устанавливаемых отношений. Но в целом они образуют единый комплекс.

Отметим также, что из 8 вариантов комплексов только 3 могут выполнять функцию главных членов, так как в большинстве из них выступают наречия, передающие разнообразные оттенки смысла. Некоторые комплексы способны выступать только в одной синтаксической функции: *ли какой ли* всегда выполняет функцию определения, *ли нет ли* – сказуемого и т. п. Уникально сочетание *ли чѐ ли*, самое частотное и многофункциональное.

В коми-пермяцкой речи *ли мый ли (я мый я)* обычно соотносится со всем высказыванием: *Ме мылли шуи мыйкѐ? ‘Я что ли сказал что-то?’; Зэрны ли мый ли мѐдѐ? ‘Дождь что ли собирается?’; Мунны мылли клубѐ ‘Иди что ли в клуб’; Но ось ли мый ли ни мыйѐнкѐ ѓѐссѐ ‘Ну открой ли что ли уже чем-нибудь дверь’; Лѐкшортны и воктін мылли, кѐтъ бы подасѐ ештѐтны отсалін, Марпа тэ! ‘Бездельничать и приехала что ли хоть бы скотину накормить помогла, Марфа ты!’ (из устной речи).*

Немногочисленны примеры, когда данное сочетание выполняет определенную синтаксическую функцию: *Йѐлыс шѐммис ли мылли* ‘Моло-

ко прокисло, *ли что ли*?»; *Сія менчим юваис: «Мыйнӧ, пондан видзчисьны я мый я.»* «Он у меня спросил: «Что, будешь ждать *ли что ли*?»; *Кысинь тӧ тавун воктат, ытшикисьны мылли ветвит?* «Откуда вы сегодня идёте, косить *что ли* ходили?»; *Ю дын уна ли мылли отирыс лоасӧ* «У реки много *ли что ли* народу будет» (обстоятельство меры). Комплекс *ли мый ли* находится в постпозиции аналогично русскому сочетанию *ли чё ли* и иным постпозитивным частицам коми-пермяцкого языка, в том числе *я* 'ли'. В большинстве предложений он выполняет функцию сказуемого, в редких случаях встречаются высказывания, где данное сочетание является подлежащим либо обстоятельством.

Наблюдения позволяют утверждать, что в русских сочетаниях: 1) варьируемо количество компонентов (сочетания могут быть двух- либо трехкомпонентные), 2) варьируема грамматическая форма центрального компонента, в зависимости от его частеречной принадлежности и синтаксической функции в конкретном высказывании, 3) варьируемо фонетическое оформление, 4) явления десемантизации компонентов единичны и не связаны с данными сочетаниями (ср.: *Вынесу ему воды ли кого ли*; использование формы *кого* в значении 'что, чего' свойственно пермским говорам). Иными словами, 5) это свободные, хотя и воспроизводимые, сочетания слов.

В коми-пермяцких сочетаниях 1) варьируемо количество компонентов, при этом 2) на базе двух- и трехкомпонентных сочетаний возникают однословные единицы, 3) не варьируема грамматическая форма центрального компонента, 4) варьируемо фонетическое оформление; 5) уже перечисленные факты говорят об утрате конкретного лексического значения (десемантизации) компонентов частиц и 6) о функционировании лексических комплексов как устойчивых, т. е. как фразеологизмов.

Проведенный анализ позволяет нам решить вопрос о грамматическом статусе таких единиц. Мы не можем согласиться с уважаемым мнением И. И. Русиновой и И. И. Баклановой, что конструкции типа *ли чё ли* – это устойчивые сочетания. С нашей точки зрения, ни устойчивость структуры (союз + местоимение (наречие) + союз (частица)), ни массовая воспроизводимость (в терминологии исследователей – устойчивость коммуникативная) не являются основанием для того, чтобы считать эти комплексы устойчивыми оборотами.

Во-первых, значительная вариативность, на порядок превосходящая возможности традиционно рассматриваемых устойчивых оборотов, полагаем, свидетельствует против этого мнения.

Более того, в идиомах вариативность обусловлена обычно синонимическими связями компонентов, здесь же взаимозаменяемость обусловлена грамматическими, но не лексико-семантическими связями. Во-вторых, для этих сочетаний не характерно изменение семантики входящих в них компонентов. В-третьих, как верно отмечают И. И. Русинова и И. И. Бакланова, рассматриваемым сочетаниям свойственно обобщенное значение, но – вновь имеющее грамматическую природу.

На основе изложенных наблюдений мы приходим к выводу, что сочетания типа *ли чё ли* действительно устойчивы, однако это устойчивость иного рода – синтаксическая. Перед нами не фразеологизм, но **фразеологизированная модель** сочетания союза, местоимения (наречия) и частицы, константная структурно и переменная по грамматическому воплощению. Естественно поэтому, что «вопрос о лексикализации изучаемых сочетаний трудно поддается решению» [Русинова, Бакланова 2012: 132], а исследователи в своем стремлении «лексикализовать нелексикализуемое» вынуждены признать поражение и предложить противоречивые выводы: «...рассмотренные конструкции все-таки нельзя считать частицами... Но у этих выражений есть все, чтобы превратиться в частицы» [там же: 132, 133].

Иначе обстоит дело в коми-пермяцком языке. В противоположность русским сочетаниям сочетания типа *ли мый ли* значительно ярче демонстрируют признаки фразеологизма: устойчивость структуры, воспроизводимость, утрату компонентами прямого значения (идиоматичность) и грамматических свойств, вплоть до лексико-синтаксических преобразований – сращения сочетания слов в цельную лексическую единицу *мылли, мья* (ср. русские лексемы *сногшибательный, впередсмотрящий*, а также *попасть впросак* и т. п.). Роднит эти сочетания с русскими то, что в предложении они могут быть определенным членом предложения либо относиться к высказыванию в целом.

Итак, грамматический статус сочетаний *ли мый ли* таков. Комплексы типа *ли мый ли* – это устойчивые сочетания, **фразеологизмы** (по классификации В. В. Виноградова определяем эти комплексы как фразеологизированные сочетания). Об этом говорит, в первую очередь, то, что компоненты их лишь относительно варьируемы, главным образом фонетически. Если же мы наблюдаем мену *ли / я*, то это объясняется их полной синонимичностью, различно лишь происхождение: так как *ли* – частица, пришедшая из русского языка, *я* – собственно коми-пермяцкая.

В то же время *мылли*, *мыя* – лексикализовавшиеся формы бывшего фразеологизма. Вероятно, в коми-пермяцком языке частотность и, как следствие этого, постепенное стирание конкретного значения входящих в него компонентов и привело к утрате фразеологизированной конструкцией статуса сочетания слов и к возникновению отдельной лексической единицы. Процесс этот пока не завершен, поскольку в коми-пермяцком языке сохраняются соответствующие ему сочетания, внутренняя форма пока еще не размыта до конца. Очевидно, мы являемся свидетелями формирования новой однословной частицы коми-пермяцкого языка.

Несмотря на различный грамматический статус сочетаний типа *ли чё ли*, *ли мой ли*, наблюдается значительное их структурное, семантическое и функциональное сходство в разных языках: 1) полностью совпадает их семантика (передают значение сомнения, неуверенности, предположения); 2) сочетания вариативны, в обоих языках – фонетически и лексически (причем в русских говорах функционально изменчив центральный компонент, а в коми-пермяцких центральный компонент *мой* стабилен, но варьируются рамочные элементы); 3) в обоих языках сочетания выступают в постпозиции к однородному члену предложения, выполняют тождественную ему функцию (однако в русских говорах такие сочетания могут быть любым членом предложения, сочетания *ли мой ли* и подобные в коми-пермяцкой диалектной речи чаще всего выполняет роль сказуемого); 4) исследуемые сочетания демонстрируют устойчивость, но в русских диалектах грамматическую (синтаксическую), в коми-пермяцких – лексико-семантическую.

Отмеченные факты заставляют задуматься над природой сходства анализируемых сочетаний.

В коми-пермяцкой научной литературе, помимо «Коми-пермяцко-русского словаря», не зафиксировано сочетание *ли мой ли*, хотя, по свидетельствам носителей коми-пермяцкого языка, оно широко бытует в коми языке, встречается в диалектных текстах, в устной разговорной речи. Исследуемое нами сочетание мы можем найти также в художественной литературе, в диалогах персонажей (и это, полагаем, подтверждает то, что перед нами диалектное явление), причем следует заметить, вариант *я мой я*: *А мой, умоль я мой я шофёрнас лоньтё?* ‘А что, плохо **что ли** водителем быть?’ [Фадеев 1984: 35]; *Мамыс шушкёмён моз юалис: «Васька, тэ я мой я?»* ‘Мама полушёпотом спросила: «Васька, ты **что ли?**»’ [Фадеев 1987: 32]; *Тэ мой, кывзы*

жё, кыдз пожар вылё тэрмасын? Петиёралисё я мой я кыткё? ‘Ты что, послушай же, как будто на пожар торопишься? Обожгли крапивой тебя **что ли** по какому-то месту?’ [Фадеев 1989: 13].

Логично предположить, что первоначально в коми-пермяцком языке употреблялось сочетание *я мой я*, именно поэтому оно выбирается писателями как создающее определенный колорит, но общепонятное. В сочетании же *ли мой ли* присутствует лексема *ли*, которая была заимствована из русского языка. И субституция произошла совершенно естественно, поскольку «преобладающее большинство частиц заимствовано из русского языка. Попав в коми-пермяцкий язык, русские частицы здесь претерпели звуковые изменения и смысловые сдвиги» [Коми-пермяцкий язык 1962: 317]. Например: *бат* ‘может, может быть’ (ср. русское диалектное *бат* из *баит*), *бы* ‘бы’, *вот* ‘вот’, *да* ‘да’, *давай* ‘давай’, *даже* ‘даже’, *и* ‘и’, ‘также’, *ёдва* ‘едва’, *жё* ‘же’, ‘тоже’, *натётё* ‘наверное’ (вероятно, из русского *знать-то*), *не* ‘не’, *поди* ‘может, может быть, вероятно’, *пошти* ‘почти’, *разь* ‘разве’ (ср. русское диалектное *разе*), *самой* ‘самый’, *сёдаки* ‘всё-таки’ (ср. русское диалектное *сё-таки*, *сёдаки*), *токо*, *только* ‘только’, *эд* ‘ведь’ (ср. русское диалектное *эдь*) и мн. др. Более того, частица (союз) *ли* оказалась тождественна частице (союзу) *я* по значению и функциям, что способствовало их взаимозаменяемости, и структура сочетаний осталась прежней.

Сочетание *ли чё ли* в пермских русских говорах также возникло в результате заимствования: логичным видится предположение, что русский язык заимствовал структуру данного сочетания из коми языка. Примером подобного заимствования и доказательством такой возможности служит частица *да*. Расположение союза *да* в конце сложного предложения, являющееся нормой в коми-пермяцком языке, в пермских русских говорах является синтаксической калькой, ср.: *Брёш гудыртё да* ‘Квас намешала я **да**’ (см. об этом указанные выше работы). Специфика *ли чё ли*, *ли мой ли* состоит в том, что в отличие от сочетаний типа *да чё да* они позднего, не ностратического происхождения и возникли вследствие действия синтаксической аналогии.

Итак, возникновение, становление, развитие, функционирование рассмотренных сочетаний обусловлено тесным перекрестным взаимодействием систем коми-пермяцкого и русского языков, сосуществующих на одной территории на протяжении веков.

Подобная идея не нова. Сравните предложенную И. И. Баклановой трактовку подчинительных конструкций с союзами *да* и *дак* в русских и

коми-пермяцких говорах Пермской области. Исследовательница приходит к заключению о разнородном взаимовлиянии: русский язык воздействует на лексическом уровне (из него заимствуются союзные средства), а коми-пермяцкий язык оказывает влияние на структуру сложного предложения в русских говорах [Бакланова 2002: 27]. Тем самым результаты нашего исследования укладываются в современные теоретические построения в области диалектного синтаксиса. В соответствии с ними уточняем: возникновение и специфика функционирования сочетаний *ли что ли*, *ли мой ли* и подобных обусловлены разнородным взаимовлиянием двух языковых систем.

Результаты работы доказывают, что диалекты – это не изолированная система. Иноязычные вкрапления прочно вживаются в чужой язык, и иногда только тщательные изыскания позволяют определить, что является исконным, а что заимствованным.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 11-34-00330а2, 12-34-01043а1).

Особую благодарность за ценные замечания и помощь в работе с коми-пермяцкими материалами выражаем А. С. Лобановой, доценту кафедры методики преподавания коми языка и литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

² См., напр.: Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М.: Междунар. отн., 2003; Русский язык / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2001; Современный русский язык / под ред. П. А. Леканта. 3-е изд. М., 2002; Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. учеб. для студ. высш. учеб. завед.: в 2 ч. / под ред. Е. И. Дибровой. М., 2002.

³ Материалы собраны при участии носительницы коми-пермяцкого языка Т. А. Тупицыной, выпускницы филологического факультета Пермского государственного педагогического университета, частично извлечены из [Русинова, Бакланова 2007], из архивов диалектологических экспедиций сотрудников и студентов филологического факультета Пермского госуниверситета, хранящихся на кафедре общего и славянского языкознания, из картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края».

⁴ См.: Вершининский словарь. Т.3 / гл. ред. О. И. Блинова. Томск, 2000; Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Пермь, 1990. Вып. 2; 1995. Вып. 3; 2011. Вып. 6; Словарь пермских говоров: в 2 т. Пермь:

Кн. мир, 2000–2002; Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1979; Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1971. Т. 2; Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1977. Вып. 12; 1981. Вып. 17; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Томск, 1975.

Список литературы

Ардентов Б. П. «Что» в современном русском языке. Кишинев, 1973. 90 с.

Бакланова И. И. К вопросу о синкретизме диалектной речи // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь, 2004. С. 15–18.

Бакланова И. И. К проблеме взаимовлияния русских народных говоров Пермской области и коми языка // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь, 2002. С. 24–27.

Бакланова И. И. Об употреблении частиц в диалектном высказывании (на материале пермских говоров) // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь, 2007а. С. 16–21.

Бакланова И. И. Функционирование союзов *да*, *и* в русских говорах Пермского края и коми-пермяцкой разговорной речи // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии. Материалы и исследования. Пермь, 2009. Вып. 3. С. 18–24.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 616 с.

Голубева Н. Л. О частицах *вот*, *ну*, *да* в положении между высказываниями // Современные русские говоры. М., 1991. С. 126–134.

Евтюхин В. Б. Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры. Л.: ЛГУ, 1979. Вып.3. С. 201–206.

Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учеб. для высш. учеб. завед. / под ред. и при соавт. проф. В. И. Лыткина. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1962. 340 с.

Кузьмина И. Б. Об употреблении частиц и союзов *ти*, *чи* в русских говорах // Современные русские говоры. М., 1991. С. 120–126.

Лобанова А. С. Коми-пермяцкая диалектология. Фономорфологические изменения в коми-пермяцких диалектах: учеб. пособие / Перм. пед. ун-т. Пермь, 2002. 64 с.

Лобанова А. С. Функционирование частиц в коми-пермяцких диалектах // Народы Прикамья во времени и пространстве: материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Высшее образование, наука, КПО в культурном и экономическом пространстве Пермского края». Кудымкар, 2007. С. 147–150.

Мишланов В. А. Коннектор *a* в современных пермских говорах // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993. С. 134–143.

Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в северно-русских говорах. М., 1983. 110 с.

Русинова И. И., Бакланова И. И. Сочетания *да чё да (да чё), ли чё ли (ли чё)* и подобные им в пермской диалектной речи // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии. Материалы и исследования. Пермь, 2007. Ч. 2. С. 162–180.

Русинова И. И., Бакланова И. И. Сочетания *да чё да (да чё), ли чё ли (ли чё)* и подобные им в русской речи Пермского края // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. Пермь, 2012. Вып. 16. С. 121–134.

Сафонова Н. И. Об употреблении частиц в сибирских говорах (на материале ангаро-ленских говоров) // Проблемы сибирской диалектологии. Красноярск, 1979. С. 71–78.

Трестерова З. К употреблению *a* в роли текстового коннектора // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993. С. 128–134.

Уздинская Е. В. Частица *-то* в русских диалектах и в разговорной речи (функциональный аспект): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1996. 219 с.

Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953. 318 с.

Список словарей и источников (с использованными сокращениями)

Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края».

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Боталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985.

Фадеев Т. П. Адззисьлытöдз, Марина! = До свидания, Марина! Кудымкар, 1984.

Фадеев Т. П. Прошинаын тулыс = Весна в Прошино. Кудымкар, 1987.

Фадеев Т. П. Ыбшар = Жаворонок. Кудымкар, 1989. 350 с.

**WORD COMBINATIONS *ЛИ ЧЁ ЛИ* IN RUSSIAN AND *ЛИ МЫЙ ЛИ*
IN KOMI-PERMYAK DIALECT SPEECH OF PERM KRAI**

Maria V. Bobrova

Senior Research Fellow of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State National Research University

The problems of dialect grammar, i.e. the issue of the status of the word combinations *ли чё ли* (li tche li) in Russian and *ли мой ли* (li myi li) in Komi-Permyak dialect speech are regarded. The review of Perm researchers works is made and an alternative view on the word combinations is proposed. On the data of the dialects of the Perm Krai it is deduced that these constructions in Russian dialects meet the case of the phraseological model (i.e. have stable syntax), borrowed from Komi-Permyak speech, which has a stable structure and variable grammatical expressions; Komi-Permyak constructions are phraseological units (lexically stable) and include lexical borrowings from the Russian language.

Key words: dialect grammar; Perm Krai; language interference; Perm dialects; Komi-Permyak dialects.